

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ДОНАТО
КАРРИЗИ

Потерянные девушки Рима

Охотник за тенью

Подсказчик

Девочка в тумане

Женщина с бумажными цветами

Донатто
КАРРИЗИ

ПОТЕРЯННЫЕ
ДЕВУШКИ
РИМА

Санкт-Петербург

Нет свидетелей страшнее или обвинителей беспощаднее, чем совесть, обитающая в каждой душе.

Полибий

7:37

Мертвый открыл глаза.

Он лежал в постели навзничь. Утренний свет озарял белую комнату. На стене, как раз напротив, висело деревянное распятие.

Он посмотрел на свои руки, которые лежали вдоль тела, поверх белоснежной простыни. Складывалось впечатление, будто эти руки — чужие, ему не принадлежащие. Он поднял правую и поднес к глазам, чтобы лучше рассмотреть. Тогда-то и коснулся бинтов, покрывавших голову. Стало быть, он ранен, но, отметил он про себя, никакой боли не чувствует.

Повернулся к окну. Стекло возвратило нечеткий образ, смутное отражение лица. Страх мгновенно охватил его. Явился и мучительный, болезненный вопрос. Но еще больше мучений, больше боли причиняло сознание того, что он не знает ответа.

Кто я такой?

Пять дней назад

0:03

Адрес был назван загородный. Из-за непогоды и барахлившего навигатора, который никак не мог проложить путь, они потратили более получаса, чтобы добраться до этого уединенного места. Если бы у поворота на въездную дорогу не горел небольшой фонарь, они бы подумали, что в доме никто не живет.

Машина «скорой помощи» медленно ехала по запущенному саду. Проблесковый маячок вызвал к жизни из крошечной тьмы покрытые мхом статуи нимф и покалеченных Венер, которые приветствовали вновь прибывших кривыми улыбками, движениями изящными и незавершенными. Неподвижный танец, только для них.

Ветхая вилла показалась надежным причалом посреди бурного моря. В окнах не виднелось ни огонька. Дверь, однако, была открыта.

Дом дожидался их.

Они приехали втроем. Моника, молодой интерн, этой ночью дежурила на станции скорой помощи. Тони, санитар, профессионал, имел за плечами немалый опыт работы в чрезвычайных ситуациях. И водитель, который остался в машине, в то время как остальные двое ринулись навстречу буре, направляясь к вилле. Прежде чем переступить порог, громко позвали ее обитателей.

Ответа не последовало. Они вошли.

Затхлый запах, тусклый оранжевый свет ряда лампочек, намечавших контуры длинного коридора с темными стенами. Справа — лестница на верхний этаж.

В самой дальней комнате лежало безжизненное тело.

Медики бросились туда, чтобы оказать помощь, и очутились в жилой комнате с мебелью, укутанной белыми покрывалами. Одно лишь ободранное кресло стояло посередине, прямо напротив телевизора устаревшей модели. На самом деле здесь все отдавало старостью.

Моника присела на корточки перед мужчиной, который лежал на полу и тяжело дышал, потом позвала Тони со всеми его приборами.

— Цианоз, — отметила она.

Тони удостоверился, что дыхательные пути не забиты, затем прижал к губам больного мешок Амбу¹, пока Моника светила ему фонариком в глаза, проверяя реакцию зрачка на свет.

Мужчине было самое большее лет пятьдесят, он лежал без сознания. Полосатая пижама, кожаные тапки, халат. Вид запущенный: борода отросла, редкие волосы взлохмачены. В руке до сих пор зажат мобильник, с которого поступил звонок в скорую помощь с жалобами на сильные боли в груди.

Ближе всего находилась больница Джемелли. Поскольку вызову был присвоен красный код, дежурный врач присоединился к первой освободившейся бригаде «скорой помощи».

Так Моника и оказалась здесь.

Опрокинутый столик, разбитая чашка, повсюду разлитое молоко, рассыпанное печенье; все это смешано со зловонной лужей. Мужчине, должно быть, стало плохо, когда он смотрел телевизор, и бедняга обмочил-

¹ *Мешок Амбу* — ручной аппарат для искусственной вентиляции легких.

ся. Классический случай, подумала Моника. Мужчина средних лет живет один, у него инфаркт, и, если он не успевает позвать на помощь, труп обычно обнаруживают, когда до соседей начинается смрад. Но в такой уединенной вилле и этому не бывать. Разве только у него есть близкие родственники — а так годы пройдут, пока выяснится, что с ним случилось. Во всяком случае, сцена казалась знакомой, и Монике стало жаль старика. По крайней мере, она жалела его, пока они не расстегнули пижамную куртку, чтобы начать прямой массаж сердца. На груди было выколото два слова.

Убей меня.

Врач и санитар сделали вид, что не заметили. Их дело — спасти жизнь. Но с этого момента каждое действие они совершали с предельной осторожностью.

— Насыщение кислородом падает, — заявил Тони, взглянув на прибор. Воздух в легкие не поступал.

— Нужно срочно делать интубацию, иначе мы его потеряем. — Моника вынула из сумки ларингоскоп и отклонила назад голову пациента.

Так санитар смог лучше рассмотреть комнату, и во взгляде его появился неожиданный блеск. Что-то смутило его, а что — Моника не могла угадать. Тони — профессионал, повидавший всякое, но что-то вывело его из равновесия. Что-то, находящееся за ее спиной.

Все в больнице знали историю молодой докторши и ее сестры. Никто никогда не говорил ни слова, но она ловила на себе сочувственные, обеспокоенные взгляды: в глубине души коллеги задавались вопросом, каково ей жить с таким грузом.

В эту критическую минуту на лице санитаря появилось такое же выражение, только гораздо более испуганное. Моника обернулась на миг и увидела то же, что и Тони.

Роликовый конек, брошенный в угол, явившийся прямиком из преисподней.

Ботинок был красный, с золотыми пряжками. Такой же, как его близнец, которого здесь не было, который лежал в другом доме, в другой жизни. Моника всегда считала, что эти коньки — немного китч. А Тереза уверяла, что они винтажные. Сестры тоже были близнецами, так что Монике показалось, будто она видит саму себя, когда труп Терезы нашли на поляне у реки одним холодным декабрьским утром.

Ей едва исполнился двадцать один год, и ей перерезали горло.

Говорят, что близнецы чувствуют друг друга даже на больших расстояниях. Но Моника в это не верила. Она не испытала страха, у нее не возникло ощущения опасности в тот момент, когда сестру похитили, днем в воскресенье, по дороге домой после катания с подругами на роликовых коньках. Тело нашли через месяц, в той же одежде, какая была на ней, когда она пропала.

И тот красный роликовый конек казался гротескным протезом на ноге мертвой Терезы.

Шесть лет Моника хранила его, спрашивая себя, что случилось с другим и придет ли когда-нибудь день, когда они соединятся. Сколько раз пыталась она представить себе лицо человека, который его забрал? Сколько раз выискивала его среди незнакомцев в уличной толпе? Со временем это превратилось в своеобразную игру.

Теперь, возможно, Моника получила ответ.

Она вгляделась в мужчину, лежавшего перед ней на полу. Потрескавшиеся, опухшие руки, волосы в носу, пятно мочи на брюках между ног. Совсем не похож на монстра, какого она не раз себе представляла. Человек из плоти. Обычное, банальное человеческое существо, в довершение всего — со слабым сердцем.

Тони прервал ее размышления:

— Знаю, о чем ты думаешь. Мы можем прекратить, если хочешь. Стоять и ждать, пока случится то, что должно случиться. Решать тебе. Никто не узнает.

Он первым предложил это, может быть видя, как она застыла в сомнении с ларингоскопом на весу перед пациентом, который жадно хватал воздух ртом. Моника еще раз взглянула на его грудь.

Убей меня.

Может, то было последнее, что видели глаза сестры, когда он перерезал ей горло, будто скотине. Ни теплого слова, ни утешения, какого заслуживает любое человеческое существо, навсегда покидающее эту жизнь. Убийца насмеялся, издевался над ней. И получал от этого удовольствие. Может, и Тереза призывала смерть, только чтобы все закончилось поскорее. В бешенстве Моника так крепко стиснула ларингоскоп, что костяшки пальцев побелели.

Убей меня.

Мерзавец выколол эти слова на груди, но, когда почувствовал себя плохо, позвонил в скорую помощь. Он такой же, как все. Тоже боится смерти.

Моника углубилась в себя. Те, кто знал Терезу, видели в Монике некую недостоверную копию, статую из музея восковых фигур, дубликат той, кого оплакивали. Для близких она представляла собой то, чем сестра могла бы стать и никогда не станет. Родные смотрели, как она растет, и тосковали по Терезе. Теперь Монике выпал случай отличить себя от сестры, высвободить призрак, застрявший в ней. Я врач, напомнила она себе. Ей бы хотелось найти в своей душе хоть искру милосердия к человеку, распростертому перед ней, или толику страха перед высшим судом или увидеть хоть что-то похожее на знак. Но она обнаружила, что не чувствует ничего. Тогда она в отчаянии попыталась откопать хоть какое-то сомнение, как-нибудь убедить себя, что этот человек неповинен в смерти Терезы. Но сколько ни ломай голову, лишь по одной причине роликовый конек мог оказаться здесь.

Убей меня.

И в эту критическую минуту Моника осознала, что уже приняла решение.

6:19

Дождь накрывал Рим погребальными пеленами. Серой тенью занавешивал древние дворцы, ряд немых слезящихся фасадов. Переулки вокруг площади Навона, извилистые, будто кишки, совсем опустели. Но в нескольких шагах от дворика Браманте широкие окна старинного кафе «Делла Паче» отражались на блестящей мостовой.

Внутри — стулья, обитые красным бархатом, столики из белого мрамора с серыми прожилками, статуи в стиле нового ренессанса и обычные посетители. Люди искусства, в основном художники и музыканты, раздраженные незавершенным рассветом. Но также и торговцы, и антиквары, коротающие время до открытия магазинчиков, расположенных вдоль по улице, и какой-нибудь актер, который, возвращаясь с ночной репетиции в театре, забегает выпить капучино перед тем, как отправиться спать. В такое скверное утро все ищут утешения и охотно вступают в общую беседу. Никто не обращал внимания на двух незнакомцев в черном, которые сидели на отшибе, за столиком напротив входа.

— Как твоя мигрень? — спросил тот, что казался моложе.

Другой, собиравший подушечкой пальца крупинки сахара вокруг пустой чашки, оставил это занятие и невольно прикоснулся к шраму на левом виске:

— Иногда не дает мне спать, но вообще можно сказать, что лучше.

— Тебе все еще снится тот сон?

— Каждую ночь. — Он поднял глаза глубокой, меланхолической синевы.

— Это пройдет.

— Да, пройдет.

Наступившую тишину прервал длинный свисток кофемашины для эспрессо.

— Маркус, время пришло, — сказал молодой.

— Я еще не готов.

— Ждать больше нельзя. Меня сверху спрашивают о тебе, допытываются, в какой ты кондиции.

— Я делаю успехи, разве нет?

— Да, правда: с каждым днем все больше и больше, это меня радует, поверь. Но ожидание слишком затянулось. От тебя зависит многое.

— Но кто так интересуется мной? Я хотел бы встретиться с теми людьми, поговорить. Я знаю только тебя, Клементе.

— Этот вопрос мы уже обсуждали. Невозможно.

— Почему?

— Потому что так издавна заведено.

Маркус снова потрогал шрам, он всегда так делал, когда волновался.

Клементе наклонился к нему, поймал его взгляд:

— Это ради твоей безопасности.

— Ради их безопасности, ты хочешь сказать.

— И это, если угодно, тоже.

— Я могу создать неудобство. Этого допустить нельзя, правда?

Сарказм Маркуса Клементе не рассердил.

— Какая у тебя проблема?

— Я не существую.

Голос его сорвался, в нем прозвучала боль.

— Тот факт, что только я знаю тебя в лицо, предоставляет тебе свободу. Неужели ты не понимаешь? Они знают тебя только по имени, а в остальном полагаются на меня. Таким образом, твои полномочия безграничны. Раз они не знают, кто ты, то и не могут тебе помешать.

— Зачем это нужно? — вскинулся Маркус.

— Зло, которое мы преследуем, может пробраться даже в их сердца, вот зачем. Если все прочие меры не приведут ни к чему, если ни одна из преград не устоит, кто-то должен оставаться на страже. Ты — последняя линия обороны.

Во взгляде Маркуса сверкнул вызов.

— Ответь мне на один вопрос... Есть еще такие, как я?

После короткого молчания Клементе решился:

— Я не знаю. Не могу этого знать.

— Лучше бы ты оставил меня в той больнице...

— Не говори так, Маркус. Не разочаровывай меня.

Маркус поглядел на улицу. Дождь на время перестал, и редкие прохожие, покинув ненадежные укрытия, разбегались по своим делам. У него накопилось еще много вопросов к Клементе. Были вещи, которые напрямую его касались и о которых он теперь ничего не знал. Человек, сидевший напротив, представлял собой его единственную связь с миром. Более того, Клементе и представлял собой весь его мир. Маркус никогда ни с кем не говорил, у него не было друзей. Но ему было известно такое, о чем лучше бы ничего и не знать. О людях, о том, какое зло способны они совершить. Нечто столь ужасное, что всякое доверие пошатнется, любое сердце навсегда окажется зараженным. Он смотрел, как люди вокруг живут без этого груза, и завидовал им. Клементе спас его. Но, спасши, внедрил его в мир теней.

— Почему именно я? — спросил он, продолжая глядеть в сторону.

Клементе улыбнулся:

— *Собаки не различают цветов.* — Эту фразочку он часто повторял. — Ну что, ты со мной?

Маркус повернулся к своему единственному другу:

— Да, я с тобой.

Больше не говоря ни слова, Клементе пошарил в плаще, висевшем на спинке стула. Вытащил бумажный конверт, положил на стол и подтолкнул к Маркусу. Тот

взял его и с аккуратностью, какой отличалось каждое его движение, открыл.

Внутри находились три фотографии.

Первая изображала компанию молодежи во время вечеринки на пляже. На переднем плане две девушки в купальных костюмах чокались бутылками пива перед костром. На второй фотографии предстала только одна из них: волосы стянуты в хвост, очки с толстыми стеклами; улыбаясь, она показывала на вздымающийся за ее спиной Дворец итальянской цивилизации, знаковое здание эпохи неоклассицизма, расположенное в квартале Всемирной выставки (ЭУР)¹. На третьей фотографии та же девушка обнимала мужчину и женщину, очевидно родителей.

— Кто это? — спросил Маркус.

— Ее зовут Лара. Двадцать три года. Учится в Риме, приезжая. Факультет архитектуры, четвертый курс.

— Что с ней случилось?

— В этом-то и проблема: никто не знает. Она исчезла почти месяц назад.

Маркус сосредоточился на лице Лары, отрешившись от гула голосов и от всего, что его окружало. Типичная провинциалочка, переселившаяся в большой город. Очень хорошенькая, тонкие черты, никакой косметики. Представил себе, что она, наверное, почти всегда стягивает волосы в хвост, потому что не может позволить себе парикмахерскую. Может быть, делает прическу только перед тем, как съездить к своим, из экономии. Одежда компромиссная: джинсы и футболка, чтобы необязательно было следовать за модой. На лице можно разглядеть следы ночей, проведенных за книгами, или трапез, состоящих из банки тунца, по-

¹ *Квартал Всемирной выставки* (ит. Esposizione Universale di Roma, «Всемирная выставка Рима», сокращенно EUR) — обширный комплекс деловых зданий, построенный по приказу Бенито Муссолини в 1935–1943 годах на юго-западе Рима в рамках подготовки к проведению Всемирной выставки (выставка не состоялась).

следнего ресурса иногородних студентов, которые исчерпали месячный бюджет и ждут нового поступления от мамы с папой. В первый раз вдали от дома. Каждодневная борьба с ностальгией, которую помогает одолеть мечта стать архитектором.

— Рассказывай.

Клементе достал блокнот, отодвинул кофейную чашку и стал говорить, сверяясь с записями:

— В тот день, когда она исчезла, Лара провела часть вечера с друзьями в кафе. Те, кто был с ней, заверяли, что девушка казалась спокойной. Друзья поболтали о том о сем, как обычно, потом около девяти Лара сказала, что устала и хочет вернуться домой, лечь спать. Двое из компании — молодая пара — подвезли ее на машине и дождались, пока она зайдет в парадную.

— Где она живет?

— В старом доме, в центре.

— Есть еще жильцы?

— Человек двадцать. Дом принадлежит университетской корпорации, которая сдает квартиры студентам. Квартира Лары — на первом этаже. До августа с ней жила подруга, которая уехала; на самом деле Лара искала вторую съемщицу.

— Когда обрываются ее следы?

— Присутствие Лары дома в следующий час подтверждается данными пункта сотовой связи по этой зоне: с ее мобильного были зафиксированы два исходящих звонка, один в двадцать один двадцать семь, второй в двадцать два двенадцать. Первый разговор, десятиминутный, был с матерью, второй — с лучшей подругой. В двадцать два девятнадцать ее телефон был отключен. И больше не включался.

Молодая официантка подошла к столику убрать чашки. Нарочно помедлила, а вдруг клиенты закажут что-то еще. Но никто из них ничего больше не попросил. Они всего лишь умолкли, дожидаясь, пока девушка удалится.